

72

Ш-95

О Г Ю С Т Ш У А З И

ИСТОРИЯ
АРХИТЕКТУРЫ

6

K

Z 123

70

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИНСТИТУТ АРХИТЕКТУРЫ

НАУКИ И СТУДИИ

ИМЕНИ ИОАННА ПОЛЮНСКОГО

72
Ш-95

72(09)
Ш 95

О Г Ю С Т Ш У А З И

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

*Издание второе, исправленное
и дополненное*

Российская Академия архитектуры
и строительных наук
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ
19 ★ МОСКВА ★ 37

Библиотека
№ 123

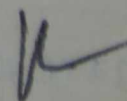
ПРОВЕРЕНО

13 июля 2009

AUGUSTE CHOISY

HISTOIRE DE L'ARCHITECTURE

Tome I

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ

«История архитектуры» является капитальным, но вовсе не важнейшим литературным трудом Шуази. Это чрезвычайно обстоятельная сводка тех исследований по истории архитектуры, которые были выполнены в течение XIX столетия рядом крупных ученых, в том числе и самим автором. Важнейшими литературными трудами Шуази являются его книги, содержащие изложение его собственных изысканий. Это: «L'art de bâtir chez les Romains» (1873 г.), «L'art de bâtir chez les Byzantins» (1883 г.), «Études épigraphiques sur l'architecture grecque» (1884 г.) и «Vitruve» (1909 г.). Здесь на основании первоисточников — памятников и документов — Шуази дает яркую картину архитектурного творчества данной эпохи, портреты мастеров, характеристики как строительных приемов, так и художественных образов. По этим работам, а не по настоящему двухтомнику можно и нужно судить о Шуази, как об историке архитектуры.

«История архитектуры» вовсе не является, как это представляется некоторым, только историей архитектурной техники. Автор характеризует не только строительные приемы и конструкции, но и решение проблемы пространства, ритма, пропорций. Больше того, Шуази вопреки установившемуся мнению как раз претендует на «социологическое объяснение архитектуры прошлого» и пытается довольно последовательно провести его через весь двухтомник, вынося за скобки в виде специальных глав. Но, конечно, было бы большой ошибкой думать, что Шуази хоть сколько-нибудь приближается к марксистскому методу. Его попытки материалистически объяснить историю архитектуры в основном, конечно, обусловлены его специальностью — практической трезвостью инженера. Это простое описание, так сказать, практической стороны архитектурного творчества эпохи. Шуази чуждо понимание роли классовой борьбы в развитии общества и действительного места архитектуры как искусства в этой классовой борьбе.

В 1-м издании нового перевода «Истории архитектуры» Шуази, вышедшем в 1935 г., помимо ряда терминологических

неточностей и ошибок, были допущены некоторые сокращения. Так, почти полностью была опущена 1-я глава — «Доисторическая архитектура», целиком были опущены главы 7-я — «Архитектура Нового Света», 8-я — «Западная ветвь первобытных архитектур» (хетты, Финикия, Иудея) и 9-я — «Доэллинская архитектура бронзовой эпохи». Кроме того, в других главах были опущены отдельные фразы, абзацы и разделы. В настоящем издании все эти пропуски восстановлены, и перевод полностью воспроизводит французский оригинал; кроме того, выправлены терминологические неточности и ошибки.

В связи с тем, что открытия последних десятилетий коренным образом изменили воззрения на архитектуру доисторической эпохи, на архитектуру Америки, на архитектуру хеттов, на архитектуру Пафлагонии, Фригии, Ликии, на архитектуру крито-микенскую (вследствие чего соответствующие главы и были выпущены в 1-м издании), в приложении даны статьи, излагающие указанные разделы с точки зрения современной науки.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К 1-му ИЗДАНИЮ

Огюст Шуази (1841—1909) — имя, хорошо известное архитекторам и строителям. Французский инженер путей сообщения, бывший адъюнкт-профессор в *École des ponts et chaussées* (школа дорожного строительства), Шуази значительную часть своей жизни посвятил изучению и преподаванию архитектуры. Один из важнейших литературных трудов его, «История архитектуры», вышел в свет в Париже в 1899 г. Первый русский перевод, выполненный архитектором Н. С. Курдюковым, появился в 1910 г. и сейчас представляет собой почти библиографическую редкость.

Для научной книги особенно чувствительна ее давность. Поэтому следует объяснить те мотивы, по которым труд Шуази переиздается в наше время, когда по-новому поставлены вопросы критического освоения культурного наследства в эпоху роста социалистической архитектуры.

Книга Шуази, послужившая в течение последних десятилетий одним из основных пособий для архитектурного образования, имеет установившуюся репутацию. Другие книги по истории архитектуры, из которых одни содержат более богатый справочный материал, более свежие и точные сведения, другие полнее освещают художественную сторону вопроса, не повторили, однако, достоинств книги Шуази, образцовой по ясности и четкости изложения конструктивной стороны дела.

В сущности, книга Шуази дает не историю архитектуры как искусства, имеющего, помимо прочего, свои специфические, художественные задачи, разрешающего проблемы пространства, ритма, пропорций, а вернее — умно и внимательно написанную историю архитектурной техники, строительного дела, сочетая ее с широким охватом всех известных времени автора памятников. Достоинство труда в том, что он всегда основан на непосредственном личном наблюдении и изучении. Автором была проведена колоссальная работа по обследованию памятников на местах, по внимательному учету всех приемов строительной техники прошло-

го. Во многом Шуази впервые вскрыл технические секреты классической архитектуры, причем его наблюдательность оказывалась на высоте и там, где приходилось ставить более общие вопросы комплексного изучения архитектуры таких знаменитых историко-художественных ансамблей, как афинский Акрополь.

Шуази — прекрасный представитель добросовестного предметного знания древней архитектуры; он добросовестно и с большим умением собирал, изучал, анализировал и описывал факты истории архитектуры. Но эти факты он рассматривал изолированно от создавших их условий, от общего процесса развития материальной и духовной культуры соответствующих периодов истории общества. Его техницизм часто сводился к «наблюдательству», не желающему или не могущему дать объяснение там, где оно необходимо для полного осознания особенностей архитектуры прошлого. Но, оставаясь полностью в рамках технического объективизма, Шуази избежал тех упрощенческих ошибок, которых много, например, в учитывающей социологические моменты истории известной книге Флетчеров. Книга Шуази просто дает материал по истории архитектуры; она не претендует ни на социологическое объяснение архитектуры прошлого, ни даже на учет тех сторон ее, которые вводят историю архитектуры в орбиту общей истории искусств. В ней нет характеристик великих художников-строителей. Эта задача, разрешаемая в ряде других трудов, стояла вне круга его интересов, и если в первом томе этот пробел не так чувствуется, то во втором он ясно указывает пределы достижений книги, остающейся до конца технологической.

Поэтому, повторяем, «История архитектуры» Шуази не есть полная история этого предмета. От истории мы требуем научного, конкретного и систематического изложения хода развития архитектуры, не как изолированного явления, а как органической части материальной и духовной культуры в их социальной обусловленности. История, — наша, марксистская история, — давая богатый и достоверный материал, должна раскрыть движущие силы исторических процессов, показать их внутреннюю противоречивость, суметь выделить прогрессивное, ведущее и основное в общем процессе и дать оценку. Всего этого в труде Шуази нет, и этого от него ожидать нельзя. Поэтому данную книгу мы должны рассматривать только, как богатый материал к истории архитектуры. В этом смысле мы можем ею пользоваться.

Разумеется, книга Шуази во многом перестала нас удовлетворять и на ее чисто предметной платформе. Многие стало несравненно лучше известным в наши дни. Открытия Дёрп-

фельда на следах Шлиманских раскопок, работы Эванса на Крите, современных американских археологов в Палестине и Месопотамии — в корне меняют наше представление об архитектуре Эгейского моря и Передней Азии более ранних (но часто и более поздних) эпох, чем те, о которых пишет Шуази.

При всем том, последний баланс оказывается в пользу добросовестных и глубоких технических знаний Шуази. Простая перепечатка перевода 1910 г. представлялась нежелательной, так как перевод этот не свободен от очень крупных исторических и терминологических неточностей. Все же в некоторых (весьма немногих) местах новый перевод сохранил формулировки Н. С. Курдюкова. Все еще недостаточная точность научно-художественной терминологии, в частности терминологии историко-архитектурной, затрудняла редакцию в продолжение всей работы.

В переводе 1-го тома Шуази принимали участие: Н. Н. Бритова, А. И. Венедиктов, Н. М. Лосева, Л. И. Некрасова, К. С. Павлова и А. В. Снежинская.

Январь 1935 г.

в нем чудовище Минотавре (Минос, возможно, титул правителя Крита, таурос — по-древнегречески — бык, животное, игравшее большую роль в культе эгейцев).

Кносский дворец представляет собой самый грандиозный, но далеко не единственный из известных нам памятников критского зодчества II тысячелетия. В эту эпоху были сооружены дворцы в других местах (Фест, Агия — Триада), а равно и малый дворец и вилла в Кноссе, к северу от большого дворца. Эти сооружения не отличались по типу от описанного нами Кносского большого дворца, но сильно уступали последнему в размерах.

Известны нам не только дворцы, но и критские города этого времени. Яркий пример системы распланировки эгейского города дает нам Гурния (на Крите). Распланировка Гурнии по типу очень напоминает распланировку современных восточных городов, лишенных какого-либо единого плана, постепенно увеличивающихся в результате стихийного роста, с беспорядочным расположением улиц.

Простые дома эгейцев дошли до нас в значительном количестве и известны по раскопкам не только в Гурнии, но и в ряде других пунктов Крита (Закро, Палекастро) и архипелага (Филакопи на Мелосе). В этих постройках, так же как и во дворцах, доминируют прямоугольные в плане помещения и пересекающиеся под прямым углом стены.

Весьма существенным дополнением для изучения критского зодчества этого времени, в частности простых жилищ, являются многочисленные фаянсовые плакетки, найденные в Кноссе, изображающие передние фасады домов. Судя по этим плакеткам, дома имели два-три этажа и строились из различных материалов (дерево сочеталось с камнем). Фасады их снабжались окнами и одной или двумя дверями.

Из стран классического Востока ближайшим и вместе с тем находившимся в наиболее интенсивных сношениях с Критом был Египет. Но даже самое беглое сопоставление всей культуры вообще и зодчества в частности указывает на то коренное глубокое различие, которое существует между этими двумя мирами. Религия накладывает печать на все главные проявления культурной жизни древнего Египта. Весьма четко видно это и по зодчеству последнего, где доминирующее положение занимают растянувшийся на беспредельные пространства монументальный храм и монументальная гробница фараона. Совершенно иная картина на Крите, где более легкое по художественным формам зодчество в основном обращается к разрешению задачи постройки человеческого жилища, выдвигая в качестве главной проблемы сооружение пышного дворца. При этом любопытно, что в таком грандиозном комплексе, который представлял собой Критский дворец, где столько внимания было уделено сооружению роскошных парадных зал, жилых и подсобных помещений, где были предусмотрены требования комфорта, — культовые сооружения, как таковые, по всей видимости, играли несущественную роль, сводясь к небольшим капеллам. Наряду с этим следует отметить, что в эгейском зодчестве нет присущих древнеегипетской архитектуре (и скульптуре) сверхчеловеческих масштабов, призванных внушать смотрящему на них человеку мысль о могуществе и величии божества или фараона. Эгейская архитектура отличается, наоборот, глубоким антропизмом, находящимся в полном соответствии с ее светским характером, в ней нет ничего сверхчеловеческого, несмотря на грандиозность некоторых сооружений. Не знает сверхчеловеческих масштабов и эгейская живопись, а также и скульптура (в этом отношении интересно хотя бы беглое сравнение древнеегипетского рельефа с грандиозной фигурой фараона и маленькими фигурками простых

смертных с эгейской живописью, где все человеческие фигуры даются в одном масштабе).

Проникнутые таким же антропизмом, как зодчество, критские скульптура и живопись созвучны с ним и в других отношениях. Так, всем видам эгейского искусства присуще в известной мере отсутствие полноты восприятия художественного целого: его заменяют с исключительной силой исполненные отдельные части с тщательно выработанными деталями; статика отрицается самым решительным образом, динамика нередко доводится до самых крайних пределов.

* * *

Другим значительным центром в эгейскую эпоху была Троя, находившаяся в северо-западной части Малой Азии. Изыскания Шлимана и исследования Дёрпфельда установили местонахождение Трои на невысоком холме Гиссарлык недалеко от Геллеспонта. Древнейшие поселения на этом холме относятся еще к глубокой доисторической древности (к эпохе неолита, до середины III тысячелетия до н. э.), затем на протяжении приблизительно тридцати веков последовательно сменяли друг друга одни за другими разрушавшиеся поселения. Дёрпфельд насчитывает в общей сложности девять культурных напластований (причем некоторые из них имеют еще внутренние подразделения). Последнее из них относится уже к римскому времени (первая половина I тысячелетия н. э.).

Остановимся сначала на так называемом втором городе, время существования которого относится к второй половине III тысячелетия до н. э. От этого города до нас дошли снабженные воротами массивные, сложенные из каменных плит крепостные стены и расположенные внутри их жилые постройки. Устройство крепостных ворот весьма просто: просвет в оборонительной стене обрамлен с обеих сторон двумя параллельными стенками, уходящими в глубь города и лишь немного выступающими за внешнюю поверхность крепостной стены. Между этими параллельными стенами помещаются особые выступы, к которым были прикреплены крепостные ворота. Такого же типа, но менее массивные по устройству ворота вели во двор, в котором находился комплекс жилых построек (различие заключается лишь в том, что вход в крепость снабжен двойными, а во двор одинарными воротами).

За воротами находилось небольшое, свободное от зданий пространство двора, в глубине которого помещались жилые постройки. Почти прямо против ворот стояло наибольшее по размерам здание, представлявшее собой продолговатую прямоугольную, в плане постройку с большим открытым с передней стороны портиком, потолок которого поддерживался только боковыми стенами (без колонн), за портиком помещался обширный зал (мегарон 10 м в ширину), в центре которого находился очаг. Два здания меньших размеров обрамляли главное; в этих постройках также имелись портики, за которыми было расположено по две комнаты. Здания замыкались открытыми портиками, аналогичными входным, но не сообщавшимся с внутренними помещениями.

Стены этих сооружений были выведены из кирпича-сырца, перемежавшегося для прочности с деревянными прокладками, и покоились на каменных цоколях. Выступающие вперед части стен были защищены деревянной обкладкой.

Даже краткое описание троянских построек наглядно свидетельствует о коренном отличии зодчества Трои от критской архитектуры. Здесь нет сложного комплекса различных помещений, объединенных в единое целое, какой мы находим на Крите, а взамен этого дается ряд отдельных самостоятельных зданий. Каждая из построек пред-

ставляет собой самостоятельный организм, а не тонет в беспредельном лабиринте других помещений, как это имеет место в Кносском дворце. Наконец, основным организующим элементом на Крите является внутренний двор; вокруг него все располагается.

Совершенно иначе подходит зодчий к разрешению стоящих перед ним задач в Трое. Не открытое пространство двора, а замкнутый компактный объем здания является тем основным элементом, с которым он оперирует, и, соединяя отдельные здания мегаронов в единый ансамбль, зодчий не лишает их значения самостоятельных организмов.

Остатки VI города «Гомеровской Трои», относящегося ко второй половине II тысячелетия до н. э., дают нам наглядное представление о мощных оборонительных сооружениях — крепостных стенах, башнях и воротах. Внутри их найдены остатки жилых помещений типа уже упоминавшегося нами мегарона. Несколько отличается от других построек этого города один из мегаронов. Это здание снабжено неглубоким портиком, находящийся за ним обширный зал разделен в длину тремя колоннами.

В общем, сохранность построек Трои оставляет желать лучшего; из рассматривавшихся нами особенно сильно пострадали жилые дома VI города, которые в значительном количестве были срыты при больших земляных работах, предпринятых для выравнивания площади холма в римскую эпоху. Поэтому мы не будем больше останавливаться на зодчестве Трои и перейдем к архитектуре южной Греции.

* * *

Древнейшим центром в южной Греции был расположенный в Аргосской долине Тиринф. Он занимал невысокий (около 20 м в высоту) скалистый холм длиной 300 м и шириной около 100 м. Первые поселения на этом холме относятся еще к эпохе ранней бронзы, за ними последовали другие культурные напластования. В середине II тысячелетия на холме возник сложный комплекс зданий. В эту эпоху холм был сильно укреплен, на нем находился дворец, занимавший самую высокую часть возвышенности, ниже располагались дворцовые служебные постройки; наконец, самая нижняя часть холма была использована для хозяйственных целей.

К главному входу в крепость, на восточной стороне холма, вела широкая проезжая дорога, которая на довольно большом протяжении шла вдоль крепостной стены. Пройдя главные ворота, посетитель вступал в неширокий проход, обрамленный с обеих сторон крепостными стенами. По этому проходу можно было дойти до следующих ворот, за которыми сначала узкий, а затем более широкий проход вел к «большим» пропилеям, на наружном и внутреннем фасаде которых стояло по две колонны. Пропилеи открывали доступ в наружный двор дворца с восточной стороны (около с.-в. угла). Вторые, «малые» пропилеи, в северной части наружного двора, соединяли его с меньшим по размерам (15 м × 10 м) четырехугольным внутренним двором, в глубине которого находилось здание «дворца», разделявшееся на три части — портик, продомос и мегарон (размером 10 м × 12 м); в центре последнего помещался очаг, обрамленный четырьмя колоннами, поддерживавшими потолок. Особый проход вел из продомоса в два небольших двора, расположенных перед зданиями, близкими по типу к дворцу, но меньших размеров.

За перечисленными постройками располагался ряд служебных помещений. Особо отметим ванную комнату, пол которой составляла каменная плита в 4 м длиной и 3 м шириной.

Стены дворцовых помещений были сложены главным образом из сыр-

цовых кирпичей с деревянными прокладками. Подобно критским дворцам, стены украшались фресками; расписывались также и полы.

В портике дворца нижняя часть стены была украшена тонко исполненным алебастровым фризом, покрытым голубой глазурью.

Стены, окружавшие дворцовые помещения, отличались исключительной мощностью. Они были сложены из больших неотесанных каменных блоков (2—3 м в длину и до 1 м в толщину), пространство между которыми заполнялось мелкими камнями. Толщина стен достигала 8 м, а первоначальная высота, вероятно, 20 м. Стены были снабжены башнями и казематами. Особого внимания заслуживают соединенные галлереей семь казематов в юго-восточной части холма. Эта галлерей, имеющая 30 м в длину, около 2 м в ширину и 4 м в высоту, сооружена с очень большим искусством, несмотря на исключительную простоту и примитивность приемов, которыми пользовался зодчий; галлерей была перекрыта сводом, выложенным напуском.

Помимо главного хода с восточной стороны холма, на западной стороне имелась еще вылазная калитка, доступ к которой был защищен специальной обводной стеной.

Вокруг холма было расположено довольно большое поселение.

Из нашего описания ясно то коренное различие, которое существует между дворцом в Кноссе и Тиринфом. Различие это не может быть объяснено только тем обстоятельством, что в первом случае мы имеем дело с обширным дворцом, а во втором с сильно укрепленным замком. Вся система строительства, распланировка отдельных помещений и понимание архитектурного ансамбля в обоих случаях глубоко различны.

Мы уже неоднократно отмечали что Критский дворец состоит из множества отдельных помещений, скомпонованных в единое целое, причем эти помещения группируются вокруг открытого двора, являющегося центром здания. Совершенно иную распланировку мы находим в Тиринфе: в нем каждая из построек составляет самостоятельный организм, который не поглощается окружающим его пространством, а в известной мере противостоит ему. Дворы не являются центральной частью здания, вокруг которой размещаются неразрывно связанные с нею помещения. Функция дворов и открытых проходов в Тиринфе совершенно иная: они располагаются перед зданием, в силу чего значительная часть открытых пространств примыкает к крепостным стенам.

В сложном лабиринте Кносского дворца с его бесчисленным множеством комнат, трудно уловимы замыслы, которыми руководствовались при распланировке отдельных помещений его строители. В Тиринфе, наоборот, очень четко выявлен путь от восточных ворот к главному мегарону, путь, который, делая три поворота, проходит по значительной части верхней площадки холма, при этом наружный двор, «малые пропилеи», внутренний двор и дворец расположены на одной линии. Колонны, повторяющие критские образцы, получили в Тиринфе в значительной мере иное применение, чем в Кноссе, ввиду отсутствия характерных для Крита световых дворов. Все вышесказанное ясно свидетельствует о том основном различии, какое существовало между зодчеством Крита и материковой Греции в эгейскую эпоху, и это различие несколько не устраняется использованием Тиринфом отдельных художественных приемов и художественных форм, свойственных Криту (росписи стен, декоративные облицовки и т. д.).

В Тиринфе мы встречаемся с мотивом сооруженных, как самостоятельное здание, пропилей, обрамленных колоннами с внутренней и наружной сторон. Этот мотив получает дальнейшее развитие в эллинском зодчестве. Еще большее значение для древнегреческой архитек-

туры имел снабженный двухколонным портиком мегарон тирифского типа. В результате дальнейшего развития здания этого типа уже в I тысячелетии до н. э. выработался дорийский храм.

Другим крупным центром Пелопоннеса были Микены. Верхний город Микен был расположен на холме неправильной формы, имевшем в длину около 300 м. Холм был обнесен мощной стеной, исполненной частично циклопической, частично полигональной кладкой. В северо-западной части находился вход в верхний город, фланкированный бастионами, с которых можно было легко обстреливать приближающегося врага. Проход вел к грандиозным воротам, обрамленным каменными блоками в 4,5 м длины, 2 м толщины и 1 м высоты. Чтобы избежать очень большой нагрузки камня, перекрывающего вход, пространство под ним не было заложено кладкой, а был оставлен свободный треугольник, образованный посредством уже встречавшегося нам в Тирифе свода, выложенного напуском. Треугольное отверстие было заложено известковой плитой (0,60 м в толщину), украшенной рельефом, который изображал двух львиц, стоящих на задних лапах и опирающихся передними на два находящиеся между ними алтаря; на алтарях стоит расширяющаяся кверху колонна с капителью, состоящей из эхина и абака, на котором видны круглые концы четырех бревен, перекрытых продольной балкой. Время сооружения этого памятника, получившего наименование «львиных ворот», относится к XV—XIV вв. до н. э.

Внутри стен, недалеко от «львиных ворот», находился окруженный двойным кольцом каменных плит (1—1,5 м в высоту) — круг 25 м диаметром. В этом кругу было обнаружено шесть могил, относящихся приблизительно к XVIII в. до н. э. Это сооружение некоторые ученые сопоставляют с так называемыми стонехенджами, которые встречаются в Британии и Франции.

Помимо описанного нами сооружения, внутри акрополя Микен были обнаружены остатки различных построек, среди которых отметим дворец, состоящий, как и в Тирифе, из трех помещений; обширный мегарон (11 м × 11,5 м) дворца имел четыре колонны, поддерживавшие потолок. Стены мегарона были богато украшены живописью, пол был также расписан.

За пределами микенского акрополя находится ряд купольных гробниц, сооруженных не ранее, чем «львиные ворота». Остановимся на наиболее известной так называемой «сокровищнице царя Атрея». Гробница была сооружена в холме, входом в нее служил облицованный с обеих сторон камнем дромос 35 м в длину. Дромос замыкала высокая стена, в которой находилась большая дверь (5,4 м в высоту, 2,4 м в ширину). Дверь была сконструирована по той же системе, что и «львиные ворота», пролет был перекрыт громадной плитой (длина 9 м), над которой было оставлено свободное треугольное пространство, некогда заполненное довольно тонкой рельефной плитой. По обеим сторонам двери стояли несохранившиеся полуколонны, имевшие декоративное назначение. Верхняя часть стены была богато украшена. Дверь вела в большую круглую камеру, перекрытую куполом, который по форме напоминает улей. Диаметр пола камеры равнялся 14,2 м, а высота помещения — 13,6 м. Купол камеры выполнен кладкой напуском из 33 рядов тщательно пригнанных один к другому камней. Он был украшен симметрично расположенными бронзовыми розетками, которые заполняли всю его поверхность за исключением нижней части.

Направо от входа в круглую камеру находилась дверь, которая вела в небольшое четырехугольное помещение, служившее погребальным склепом.

Выше мы упоминали о круглых, служивших жилищами постройках III тысячелетия, которые были найдены в Орхомене. Описанная нами круглая камера, «сокровищница царя Атрея», представляет собой переработку в монументальные формы этого примитивного типа жилища.

Памятники зодчества микенской культуры встречаются не только в Тиринфе и в Микенах, но и в других местах Пелопоннеса, а также за пределами последнего. Особенно заслуживают внимания находки в Бэотии. Так называемая «сокровищница Миния» в Орхомене представляла собой сооружение того же типа, что и «сокровищница царя Атрея». В четырехугольной камере орхоменской сокровищницы сохранился каменный потолок, украшенный узорами, исполненными низким рельефом.

Мы упомянули главнейшие постройки материковой Греции, воздвигнутые в эгейскую эпоху. Если рассматривать их с точки зрения их назначения, то резко бросается в глаза то же явление, которое было нами отмечено на Крите: отсутствие значительных храмовых сооружений, столь характерных для зодчества классического Востока. Но, вместе с тем, следует отметить, что погребальные постройки в виде грандиозных купольных камер играли, видимо, значительно большую роль на континенте, чем на Крите, что, вероятно, теснейшим образом связано с героизацией умерших и культом предков, распространенными, нужно думать, в материковой Греции в эту эпоху.

В. Блаватский

Приложение к главе десятой

ДОЭЛЛИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ЖЕЛЕЗНОЙ ЭПОХИ

Богатые деревом местности Фригии, Ликии и Пафлагонии вырабатывали ту архитектуру деревянных конструкций, которая нас особенно интересует потому, что мы видим в ней сложение отдельных элементов эллинского зодчества раннего периода. Плоские перекрытия юга, бедного осадками, сменились здесь скатными перекрытиями, выполнение которых было мыслимо лишь в дереве. Памятники этих местностей восходят к концу II тысячелетия до н. э. и продолжали сооружаться до V—IV вв. до н. э. Для нас строения этого круга ценны тем, что дают нам возможность производить наблюдения над спецификом перенесения деревянных архитектурных форм в камень. Все три местности сохранили нам главным образом погребальные сооружения — гробницы. В этих гробницах мы, несомненно, имеем подражание в камне деревянным домам страны.

Пафлагонская или, точнее, пафлагонско-понтийская гробница дает тип, близкий к типу храма в антах. Характерным, следовательно, для этого сооружения является фасад с колоннами, занимающими открытую сторону портика, покрытого сверху фронтоном, так как и все здание имеет двускатную крышу. Некоторые хотят видеть в этом строении отзвук бит-хилани. Наиболее ранняя из пафлагонских могил находится в Согханлызу и имеет плоское перекрытие. Таковы же гробницы Калекану и Терелика. Крупнейшая из гробниц, имеющая высоту в 45 м, — гробница в Коргуне, отличительной чертой которой является ее одна колонна. Гробница в Хумбаркайе с ее тремя протодорийскими колоннами, украшающими приземистый монументальный портик, отличается от остальных тремя скульптурами лежащих в профиль львов, находящихся на небольшой площадке перед скальным сооружением. Некоторые исследователи указывали на хеттскую строительную технику этих сооружений. Вполне вероятно, но хеттские мастера или их выученики явились исполнителями в камне деревянных местных конструкций.

Фригийские гробницы дают совершенно иной тип сооружения, нежели пафлагонские. Тут совсем нет портика. Пытались данные сооружения делить, по их фасадам, на украшенные скульптурой и декорированные отвлеченным орнаментом. К первым должна быть причислена гробница в Арсланташе, в которой по обеим сторонам входа изображены геральдически расположенные, натуралистически переданные — два льва. В гробнице в Асланкая, украшенной скульптурами льва и фантастической птицы (грифа?), передняя входная стена покрыта, как ковром, орнаментальным однообразным мотивом типа меандра. Близки к ней гробницы Малташа и так называемая гробница Гордия. Особенной известностью пользуется так называемая гробница Мидаса, фасад которой, несущий обрамление и фронтоны, сплошь покрыт орнаментом из крестов, квадратов и плетенки. Видеть в данном приеме декорации подражание текстилю является скорее ошибочным: мы имеем здесь дело, по всей вероятности, с воспроизведением в камне орнаментальной резьбы по дереву.

Деревянная природа конструкций еще больше выступает в ликийских гробницах, также в большинстве скальных. Ни одно из переднеазиатских каменных сооружений не передает с такими подробностями детали деревянного зодчества. В основе строений лежит дом местного типа. Ряд этих сооружений, тип и детали конструкций которых, несомненно, восходят к догреческому периоду, датируется эллинистической эпохой. Возможно, что наиболее ранние имеют плоские покрытия, которые мы встречаем в целом ряде случаев. Некоторые из гробниц имеют фасад, слегка выделяющийся, в других он значительно отделяется от массива скалы, куда уходит сооружение. В гробнице в Пинаре скала служит лишь четвертой стеной. В Фелиосе и Коанфе сооружения даны вне массива. В Пинаре мы видим покрытие килевидной формы. Интересно отметить, что конек крыши украшен подражанием бычьим рогам, которые, очевидно, помещались на деревянных зданиях. Некрополи с многочисленными саркофагами, окружающие многие из этих гробниц, имеют в ряде случаев саркофаги, поставленные на уступчатые базы, что невольно заставляет вспомнить о конструкции могилы Кира. Архитектура Пафлагонии, Фригии и Ликии нам особенно интересна, как открывающая путь к пониманию раннегреческого (особенно ионийского) зодчества, сложение которого, как все-таки следует считать, происходило в значительной степени на малоазиатском побережье.

А. Стрелков

Редактор издательства В. А. Виноград
Технический редактор Е. А. Смирнова

Сдано в набор 20 марта 1937 года
Подписано к печати 28 июля 1937 года

40¹/₂ п. л. 62 × 94¹/₁₆

В 1 п. л. 45 300 знаков

Уполн. Главлита № Б-20153

Тираж 4500

Издание набрано, сверстано и отпечатано
в Первой Образцовой типографии Огиза
РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва,

Пяницкая, 71

Заказ № 1507

Цена 11 руб., переплет 2 руб.

А. Смирнов

110

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
24	5 снизу	сводов — не	сводов — на
95	3 "	спиралями ¹⁸ .	спиралями ¹⁶ .
124	20 сверху	III—VI вв. н.,	III—VI вв. н. э.,
151	8 "	Константирование	Констатирование
303	10 "	глубокой	неглубокой
347		на правой части рис. 248	нет обозначения <i>T</i>
491	26 "	Handbuch...	Handbuch...
492	24 снизу	Mausoleum	Mausoleum
595	6 "	«культуртре- герской	«культуртре- герской»
599	13 "	чтобы ими	чтобы им
612	17 "	архитектуру.	архитектуру.

О. Ш у а з и, История архитектуры, т. 1, 2-е изд.

M-28

4-00

1958/364

~~3642/1003~~

4703/1165

M
28-70

~~Цена 13 р.~~